

Вопросы философа священнику. Переписка философа и священника

От редакции. Предлагаем читателю переписку профессора ТбилГУ Анастасии Закаридзе и протоиерея Максима Козлова, настоятеля Домового храма МГУ во имя мученицы Татианы. Текст опубликован на грузинском языке в Вестнике Тбилисского университета¹.

Глубокоуважаемый отец Максим.

1. По общепринятой церковной традиции мифы трактуются как “рассказни”, “сказки”. В частности, хрестоматийными представляются высказывания Иоанна Златоуста по поводу греко-римских богов и языческих верований. Какова позиция современной православной теологии по отношению к мифологии вообще и к современному мифотворчеству в частности?

2. Правомочно ли считать мифы некими шорами нашего разума, которые мешают поставить правильный ракурс видения? Если да, то какие моменты, на Ваш взгляд, являются самыми существенными на пути демифологизации сознания?

3. Некоторые исследователи мифа (Ф. В. Шеллинг, Т. Кун, О. Шпенглер, В. Шубарт) считают, что система взаимосвязанных мифов лежит в основе любой культуры, она определяет тип данной культуры и тип живущего в ней человека. Более того, всякая культура воплощает в жизнь и развивает лежащие у ее истоков мифы, доводя их до логического завершения. А когда наступает крах той или иной культурной единицы, на развалинах возникают новые основополагающие мифы, то есть это некий бесконечный процесс, в основе которого лежит мифологическое начало. По Гегелю, именно миф является материнским лоном для искусства, науки, религии. Как решается этот вопрос в христианском мирозерцании?

4. Как Вы думаете, можно ли назвать религию творческой деятельностью? Если да, то чем она отличается от мифотворчества?

5. Как бы Вы оценили известное высказывание А. Ф. Лосева, что “личность есть миф”? Что это — символ, определяющий траекторию человеческой жизни, ее смысл и судьбу?

6. В построении мифической парадигмы особое значение отводится понятиям “судьбы”, “рока”. Разъясните, пожалуйста, значение этих понятий для христианина.

7. Общеизвестна роль обряда в христианской литургике; ритуал является неотъемлемой частью мифологического способа мышления. Дж. Фрезер ставит ритуал даже выше мифа, полагая, что миф есть не более чем приложение к ритуалу. Другие, напротив, считают обряд воспроизведением мифа (З. Фрейд, Б. Малиновский).

Чем отличается христианский обряд от магического ритуала (по содержанию, форме, структуре)?

8. Носитель мифического сознания — это человек верующий, а верующий человек — это молящийся человек. Суть молитвы, ее разновидности, ступени глубоко раскрыты в трудах святых отцов Церкви Симеона Нового Богослова, Паисия Величковского, Игнатия Брянчанинова... Понимая, насколько сложно в рамках одного ответа ответить на столь обширный вопрос, все же покорнейше просим хотя бы вкратце разграничить онтологические, содержательные, формальные, структурные различия молитвы в ткани религиозного сознания и сознания мифического.

*С глубоким уважением и признательностью
доктор философских наук, профессор ТГУ
Анастасия Закаридзе*

Ответ протоиерея Максима Козлова на вопросы философа Анастасии Закаридзе.

1. Мне представляется, что в церковном сознании мы должны различать несколько уровней, связанных с тем, на что оно собственно реагирует во внехристианской религиозности, в частности, во внехристианском мифотворчестве.

¹ © Подготовка текста. “Альфа и Омега”, 2002.

Упрощением было бы сказать, что святые Отцы видели в греко-римской религиозности только лишь собрание рассказней, сказок и басен. Наряду с жесткой критикой Златоустом современных ему пережитков язычества мы можем вспомнить и трактат святителя Василия Великого “К юношам о том, как им пользоваться языческими книгами”, — книгами, построенными целиком на античной мифологии. Тем не менее, святитель Василий Великий, не признавая за ней онтологической истинности, признает возможным ее позитивное этическое использование. С другой стороны, на другом уровне, мы должны помнить, что нехристианская религиозность не есть только, по апостолу Павлу, коснения, заблуждения... В ней есть некоторое остаточное боговедение. Конечно, безусловно замутненное, бесконечно замутненное, конечно, такое, в котором памятование о подлинном сочетается со всеми наслоениями, пластами, привнесенными собственно человеческими заблуждениями и действиями лукавого, но тем не менее и вне христианской религиозности есть искра истинного, что христианин всегда будет стараться увидеть и поддержать. Собственно методический принцип обращения к нехристианам будет основан прежде всего на указании того доброго и истинного, что есть в их сознании, в том числе, что может быть доброго и истинного в мифологическом сознании. Вспомним апостола Павла, начавшего проповедь в ареопаге с похвалы афинянам за их почитание неведомого Бога. Так что и здесь мы увидим некие зерна, допускающие позитивное христианское истолкование, апелляцию к ним, как к общим в нашем общерелигиозном подходе к действительности, скажем, противоположном секулярному или рационалистическому, или гуманистическому в современном смысле этого слова. Другое дело, что нехристианская религиозность при практическом соприкосновении с христианством, как правило, оборачивалось и оборачивается не позитивной, а отрицательной, демонической стороной. Наиболее очевидно в историософском плане это произошло в эпоху античности, которую, с одной стороны, мы знаем и помним как гармоничное и уравновешенное детство человечества, нигде так не пережитое, как оно было пережито в Средиземноморье, но, с другой стороны, этот же греко-римский мир обрушился на Церковь трехвековой демонической истерией гонений — таких, которых не переживала Церковь нигде и никогда вплоть до XX столетия, когда они были повторены и превзойдены в пределах нашего отечества. Поэтому понятно, что на исходе этой эпохи мученики призывали рушить языческие храмы, ибо это был живой символ зла. Но в византийскую эпоху детей христиан вполне можно было учить языку и риторике по Гомеру, потому что опасности на уровне вовлечения в такого рода сознание уже не было. То же самое по отношению к иной религиозности или иному мифотворчеству. Можно применить это и к другим эпохам и, в частности, к настоящему времени.

2. Я постарался бы избежать односторонности. Безусловно, принципиальным центром христианского сознания следует считать трезвость, трезвение. Как писал в XIX веке Ф. М. Достоевский — реализм. Христианин в ту меру, насколько он является сознательным христианином, должен быть реалистом, человеком с нуждами, скорбями, попечениями сегодняшнего дня, не уходящим в фантазии и не живущим иллюзиями о будущем. В одном из самых глубокомысленных памятников христианской древности, повести о Варлааме и Иоасафе царевиче, есть такой совет, который дает Иоасафу его учитель Авенир: не стремись достичь невозможного, не жалей, что прошло мимо, и никогда не верь сомнительному слову. Мне кажется, этот совет в полной мере применим к современному мифотворчеству. Не верить сомнительному слову, не стремиться достичь обещаемого рая (неважно какими способами) и не жалеть о будто бы прекрасном прошедшем с невыносимой тоской о том, что мы не живем в XIX, XVIII, III или IV веке от Рождества Христова, — ибо все это вполне можно определить как составляющие современного мифотворчества. Если не брать самые примитивные уровни массового сознания, обращенные к кумиротворению звезд эстрады, политической арены или иных подобных уровней бытия, я бы сказал так: в современном сознании господствуют два наиболее распространенных мифа: I — это миф, старательно создаваемый секулярным гуманизмом, миф о будто бы единых критериях поведения всего человеческого рода, о неких будто бы общих основах всякой религиозности, о толерантности, как бы сказали в Америке, политкорректности, как норме сегодняшнего дня или, во всяком случае, мере будущего человечества, то есть когда вообще-то ограниченной по мировоззренческому ракурсу системе приписывают те же свойства, что усваивал

себе марксизм, — некоего мировоззрения, дающего окончательные ответы. Конец истории в эпоху наступления торжества секулярного гуманизма — это и есть совершенно очевидный нынешний миф, воплощаемый в политическую и общественную реальность, который для христианства ни в коей мере не приемлем. Вот ему и его проявлениям на уровне глобализации, думается, Церковь должна противостоять, напоминая о своем совершенно не релятивистском взгляде на религиозность в своем принципиальном монизме, в своем принципиальном настоянии, что есть единая истинная вера, в отношении которой другие могут быть только относительными истинами. II — может быть, менее опасная, но сегодня активнее проявляющаяся современная мифологическая тенденция — это преувеличение собственной национальной истории, выведение собственного национального на место исключительного, неважно в каком контексте, в мессианском, культурном или политическом, по отношению ко всей истории человечества. Эти проявления могут быть различными, от мессианства религиозного у нас, у русских, или у евреев, до политического мессианства в Америке, которое проявляется совершенно очевидным образом, но называется другими словами, или до часто проявляющейся, условно говоря, в малых нациях ущемленности, которая видна в попытках преувеличения собственного культурного, политического, исторического значения.

Вспомним, к примеру, Румынию при Чаушеску: Румыния, *Романия*, наследие Рима, чуть ли не центр средиземноморской вселенной, оказавшейся в провинции Дакия во II веке от Рождества Христова. Вот эти две крайности; последнюю можно корректировать на уровне христианства с ересью филетизма, с ересью преувеличения национального элемента в Церкви. А между ними, как кажется, должно идти трезвое христианское сознание.

3. Мне представляется, что эту точку зрения можно принять для внецерковного бытия, то есть для той области человеческого существования, которая так или иначе находится во власти духов злобы поднебесной и не освобождена в конечном смысле от рабства лукавому. Только христианство и только Церковь дает человеку свободу от любой детерминированности, в том числе и от детерминированности системы мифологического сознания. Вне подлинного христианства мифология определяет и мировоззрение, и культурные типы, и тенденции развития искусства и т. д. Но вот если обратиться к современности, то безусловно, вне той же самой мифологии политической толерантности и секулярного гуманизма невозможно было бы предположить развитие постмодернизма, так же как в средние века в Западной Европе невозможно было бы развитие разных антихристианских сект, таких как альбигойство, вне генетически с ними связанной католической сотериологии. В этом смысле, повторяю, на мой взгляд подлинное христианство есть освобождение человека от всякого рабства, в том числе и рабства мифотворчества.

4. Религию корректнее называть *сотворчеством* или *со-работничеством*. Не случайно у святых Отцов основополагающий для православной сотериологии термин — *синергия*, *со-работничество* Богу, проявляющееся прежде всего в области спасения. Как говорил святитель Петр Афонский: Бог спасает нас не без нас, не без нашего творческого ответа, того аскетического созидания прекрасной личности, о котором говорит “Добротолюбие” — *Филокалия*. Это же творчество проявляется и в иных областях деятельности: в иконописи, храмоздательстве, в быту, и в политической деятельности. Доколе человек осознает себя не автономным титаном, гигантом, не автономной от Бога самозамкнутой монадой, а образом и подобием, призванным реализовать в себе его с максимальной полнотой в соработничестве Творцу, до той поры такое его отношение и будет отличаться от мифотворчества, которое принципиальным образом не признает и не практикует смирение человека по отношению к Творцу.

5. Мы, наверно, должны будем входить в довольно специфическое понимание Алексеем Федоровичем понятия “личности” в целом. Мне представляется, что его конструкция, согласно которой понятие личности в античности вообще не существовало, в современном понимании, выросшем на христианском понимании этого слова, не вполне корректна. Может быть, она не была эксплицитно выражена в философских и вообще в письменных текстах. Но предполагать, что человек, который всегда оставался образом и подобием Божиим, пусть в искаженном виде, не воспринимал себя как личность в античности, мне представляется богословски трудно

объяснимым; здесь я исхожу не из текстов античного мира (может быть, по ним мы не можем вывести точного определения “личности”), но из богословской посылки. Исходя из этого, постановка знака равенства между словами “личность” и “миф” мне представляется для христианина очень спорной, требующей какого-то рода объяснений, которых я пока ни от кого не слышал.

6. Христианство есть освобождение от всякой детерминированности, в том числе (и, может быть, прежде всего) на уровне личного бытия, от такого рода понятий, как “судьба”, “рок”, хотя, конечно же, на уровне патологии религиозного сознания и каждый из нас, христиан, может периодически внутренне скатываться к такому ощущению собственной жизни. “Меня ведет”, “меня влечет”, “ничего не поделаешь”, “так сложилось”, “такой сегодня день”, “такой период жизни”... Но тем не менее тем и отличается христианин от нехристианина, что он должен понимать, что это мировоззрение есть искаженное мировосприятие; в церковном сознании у святых Отцов существует понятие *промысла Божиего* или *предопределения Божиего* — *prooismTj*, и несомненно это есть изначальное христианское понятие, сформировавшееся уже в святоотеческую эпоху. Но в чем выражается это “предопределение”? В Евангелии от Иоанна мы читаем о том, что Бог *отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную*. Это, говоря в более сухих словах, условное предопределение всех ко спасению. Бог дает возможность, потенцию к спасению каждому человеку, — но именно возможность, а не принудительность. Можно вспомнить слова преподобного Иоанна Дамаскина о том, что Бог все предвидит, но не все предопределяет, то есть остается сфера человеческой свободы, которую Бог за нами оставляет вполне, ибо, конечно, определение человека в добре или во благе есть определение, которое каждый выбирает до конца свободно и за которое каждый несет полноту ответственности.

7. Главное отличие неискаженного христианского понимания таинства обряда от мифическо-магического, или язычески-магического, — это то, что в последнем определенного рода обрядовое действие предполагает с некоторой необходимостью результат, который должен за ним последовать на уровне шаманского камлания. Танец с убиением мамонта, изображаемого одним из членов племени, есть действие, долженствующее вызвать трансцендентную помощь на то, чтобы реальный мамонт был благополучно убит; при этом нет ни благоговения, ни свободы, которая, неважно, за небом или за подземьем, остается для реакции на это действие, может лишь быть ошибка в обряде — и в результате действия не последует. Может быть неудачная форма обряда, в таком случае действие будет отрицательным, но нет свободы ответа, в то время как христианская молитва, христианский обряд, христианское таинство всякий раз, при том, что на Божественной Литургии мы верим и знаем, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Спасителя, но мы верим и знаем, что это происходит не в силу определенного рода выполнения уставных требований, не потому, что присутствует форма, материя и намерение, но потому, что молится Церковь и верит, что Господь не оставит без ответа эту ее молитву. Впрочем, можно допустить ситуацию, когда обряд или таинство не совершается по предельному недостойнству совершающих; преподобный Серафим отчетливо говорит о том, что он знал тех, кто при смерти не мог исповедаться и причаститься, ибо было не у кого, но кого причащали ангелы, и знал тех, кто по многу лет своей жизни подходил к Чаше и ни разу не причастился². В этом смысле нравственное составляющее, духовное состояние совершающего и приступающего всегда бесконечно важны; в христианском священнодействии это миропонимание отражено уже апостолом Павлом, который говорит, что приступающий к таинствам тела и крови без рассуждения, то есть без должного внутреннего приготовления, приступает себе в осуждение. Таинство все равно совершается, но результатом для человека может быть усугубление его и без того не доброго духовного состояния.

8. Разрешите не согласиться с первой формулировкой, что “носитель мифического сознания человек верующий, а верующий человек — это молящийся человек”. В современных реалиях

² Описан случай, когда священник, отправившийся напутствовать умирающего, не смог этого сделать в силу не вполне понятных причин; в дальнейшем выяснилось, что покойник был нераскаившимся оккультистом и на совершении таинства настаивала семья, но не он сам. — **Ред.**

носитель мифического сознания может быть очень часто не верующий человек, а человек скорее суеверный или, если верующий, то в новом понимании этого слова, “верующий”, то есть на веру принимающий определенного рода комплекс взглядов, мировоззренческую систему, но не верующий в старом смысле этого слова, в религиозном смысле этого слова. Мне кажется, нынче именно люди, не принадлежащие к тем или иным традиционным религиям, являются наиболее ярко выраженными носителями мифического сознания. А люди, укорененные в той или иной религиозной традиции, значительно более защищены от его крайностей, в частности, эта защита для христианина достигается через молитву, говоря о сути которой, прежде всего важно напомнить веру, всегда имманентно существовавшую в Церкви, но отчетливо выраженную в эпоху исихазма, в то, что человек, подлинно подвигающийся в молитвенном делании или с верой приступающий к церковным таинствам, приобщается не только к неким тварным дарам Бога этому миру, но приобщается самой благодати Святого Духа. Различение Бога в Его сущности и в Его энергиях, Его действиях, так полно раскрытое в трудах святителя Григория Паламы и его современников, есть одно из величайших оправданий христианской молитвы, которая на своих высших ступенях, своих прорывах в людях, даже не поднявшихся бесконечно высоко в духовной жизни, есть опыт реального богообщения — того, который, скажем, имели Апостолы на Фаворе, а не только духовного, душевного или интеллектуального осмысления даров Божиих этому миру.

Послесловие от редакции

О мифах детерминированности, подчас распространенных и в христианских кругах, хотелось бы поговорить отдельно, приведя несколько простых примеров, иллюстрирующих заодно посылку о христианской трезвости сознания. Материалистическая философия очень любит давать не вполне понятным явлениям “реалистические” объяснения, которые, как правило, сводятся к определению икса через игрек. Это блистательно спародировано в конце “Мастера и Маргариты”, когда бесовщина, заполонившая беззащитный город, объясняется действием шайки “невиданной силы гипнотизеров”. Совершенно иного рода объяснения христианские, рассматривающие мир видимый и невидимый как единое целое, части которого способны к взаимопроникновению и взаимодействию.

Известно, например, что после Пасхи многие испытывают сильнейший душевный упадок, слабость, духовную пустоту. Объясняют это, как правило, “своеобычностью” своей природы и особой чуткостью к неким фатальным процессам мироздания, — объясняют сложно, по-разному, но всегда “в свою пользу” и со ссылкой на непреодолимость этих процессов. Однако люди с большим духовным опытом (или те, кто доверил эту проблему опытному духовнику) находят более реальное и трезвое объяснение. Весь Великий пост мы по мере сил стараемся вести более правильную жизнь, нежели обычно: чаще ходим в храм, стараемся чаще причащаться, читаем особые молитвы, чаще обычного читаем Писание, присутствуем на уникальных великопостных службах... Действительно, наступает облегчение от греховного гнета, душа и мысли устремляются к Богу. И вот — Пасха Господня с ее великолепной службой, радостной и торжественной. И кажется, что мы уже недалеко от Царствия Небесного, что вот-вот придет свобода богообщения. А между тем обычная наша жизнь потихоньку вступает в свои права: то ли очень уж бурно разговлялись, то ли слишком резко оборвали складывавшиеся было благочестивые привычки, то ли чересчур много сразу позволили себе светских удовольствий, которые старались избегать постом. Результат — разочарование и обида; ничего во мне не изменилось, каким я был, таким остался. Естественно, это воспринимается как упадок, — да это и есть упадок.

Что же делать? — относиться к своим возможностям с большим смирением и с большим трезвомыслием, и если уж так хочется подольше сохранить в себе высокий настрой Великого поста, то и выходить из него с умеренностью: скромно разговляться, не бросаться немедленно и сразу во все возможные удовольствия, а соблюдать в них какую-то меру, продолжать читать Писание и молитвы (только не великопостные!), расширить по совету духовника круг духовного чтения и тем самым попытаться сохранить хоть какую-то часть духовной высоты, которая была

нам показана по милости Божией. А главное — подальше отогнать мысль о своих духовных завоеваниях и победах.

Хорошо знакомо большинству христиан и то тяжелое чувство мрака и уныния, которым часто сопровождается Рождественский пост. Здесь причина несколько иная: самое темное время года. Мрак окружает человека — а тут еще может возникнуть страшная мысль: Христос еще не родился, мы одиноки в этой холодной тьме. Но и здесь на помощь приходит духовная трезвость: да, темнота и холод символизируют мир без Христа, но впереди — свет Вифлеемской звезды, и к ней устремляет наши взоры и наше внимание Православная Церковь: недаром с самого праздника Введения на службах поется Христос рождается...

Существует “умное” объяснение, основанное на “биоритмах”, для того печального (иногда даже болезненного) состояния, которое, как правило, испытывают люди перед днем рождения. При этом вроде бы даже разработаны меры защиты: не принимать поздравления заранее и т. п. Но для этой роковой закономерности, вроде бы обусловленной таинственным схождением светил, существует до обидного простое объяснение: как писала Тэффи, “это нервное”. С одной стороны, обуревают мысли о том, что вот прошел год, на который возлагались какие-то надежды, а ничего особенного не произошло, а жизнь коротка и т. д. С другой — мысли противоположного плана: как отмечать? что надеть? кого позвать? что готовить? что подарят? Конечно, когда в одном отдельно взятом сознании сшибаются потоки мыслей столь разной тональности, тут заболеешь. ...А всем православным, к сожалению, — и в особенности клиру и причту — знакомы более или менее серьезные конфликты перед праздниками, и, как правило, чем значительнее праздник, тем тяжелее конфликт. Да и просто при говении перед причастием люди часто испытывают приступы раздражения, на них валятся какие-то мелкие или крупные неприятности (иногда совсем уж трагикомические: платок забыла, чулок порвала, побриться не успел...). Во-первых, здесь нельзя не принимать во внимание совершенно естественную причину: усталость, нервное напряжение. Во-вторых, конечно, в этом проявляются козни врага рода человеческого; вспомним гоголевскую “Ночь перед Рождеством”. В таком случае очень важно прежде всего определить причину, назвать ее: лукавый чрезвычайно не любит, когда его распознают и называют, и предпочитает, чтобы его принимали за некую эманацию неназываемых и неотвратимых “астральных” сил. Между тем замечательная молитва против козней сатанинских сил начинается словами *Да воскреснет Бог*, которыми мы прямо призываем себе на помощь нашего Творца и Спасителя, могущество Которого многократно превосходит все угрозы темных сил. А когда мы, продолжая молитву, произносим *и расточатся врази Его* — тут-то мы и проявляем трезвость, показываем, что понимаем, от кого исходит угроза — и защищаемся Именем Божиим и знамением Его Креста. Бесовские козни иногда проявляются вроде бы спонтанно, но никогда это не бывает случайным. Скромный опыт редакции “Альфы и Омеги” свидетельствует о том, что еще ни один номер не выходил без осложнений самого разного рода: кто-то заболел, кто-то опаздывает со статьей, кто-то вообще ее не дает; статью приходится снимать в последнюю минуту, потому что автор не соглашается с требованиями редакции; сломался компьютер; сломался принтер; резко повысились цены в типографии, а денег на доплату нет; наконец, их нет вообще и вроде бы не предвидится. В таких случаях мы утешаемся тем, что, очевидно, наша работа лукавому не по вкусу, и руководствуемся великими словами апостола Иакова, Брата Господня: С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка. Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему (Иак 1:2–6).

И каждый раз, когда мы, собравшись, читаем канон с акафистом святителю Макарию, Митрополиту Московскому, мы ощущаем, как расчищаются горизонты нашей деятельности, как отступают или вовсе исчезают “неотвратимые” препятствия.

Журнал «Альфа и Омега». №4/34. 2002.